

УДК 316.74; 316.324.8

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-10-16

Вукчевич Н.

ЕСТЬ ЛИ У ПОСТМОДЕРНА РЕЛИГИЯ?

Университет г. Белград, Факультет политических наук,
ул. Йовы Илича, д. 165, Белград, 11000, Сербия
nemanja.vukcevic75@gmail.com

Аннотация. Есть ли у Постмодерна своя религия, как, например, в античный период и в Средние века были свои религии, которые можно достаточно четко описать? В статье даны ответы на данный вопрос, а также постулированы предпосылки направления, в котором Пострелигия, если она есть, могла бы развиваться в контексте научно-технической цивилизации, являющейся одной из самых характерных для постмодерного периода. Предлагается взгляд на период Постмодерна как на совокупность значимых революций для цивилизации, с учетом существенно выделяющейся информационно-цифрово-биологической революции, в которой постмодерн достигает своей вершины. Косвенным образом, в поисках возможностей для абсолютно иного религиозного инжиниринга, который эта научно-технологическая революция потенциально обеспечивает, синкретическим и спекулятивным образом связываются религия и постмодерн, способом, который пока не был представлен в литературе. Настаивая данным способом на оригинальности, автор не видит своей цели в попытке достижения искусственной эксклюзивности. Статья представляет собой попытку присоединиться к частым авто-предупреждениям, адресованным современному человеку, или как минимум попытаться дать повод для размышления и популяризации темы с целью её четкой аргументации.

Ключевые слова: постмодерн; религия; виртуальная реальность; киборг; сознание.

Nemanja Vukcevic

IS THERE THE POST-MODERN RELIGION?

University of Belgrade, Faculty of Political Sciences,
165 Jove Ilica St., Belgrade, 11000, Serbia
nemanja.vukcevic75@gmail.com

Abstract. Is there the Post-modern religion? In terms of the ancient or the Middle Ages religion, for example, which can be described clearly enough. In this work, I will try to answer this question briefly, and to postulate the assumptions of place and way of post-modernism development. Post-modernism will be observed as a collection of important civilizational revolutions, but with the crucially dissimilar informatics-digital-biological revolution, in which the Post-modernism peaks at present but unsatisfactorily known. Religion and the Post-modernism would be syncretically and speculatively connected in a way that was not indicated so far, by seeking indirectly for opportunities to develop drastically disparate religious engineering that this scientific and technological revolution potentially allows. This insistence on originality, otherwise immanent to post-modern failures, is not aimed at false exclusivity, in no way, but rather to associate with increasingly auto-warnings to the modern human being, either, at the last but not the least, this could cause observation and propagation of the subject matter toward more precise argumentation.

Key words: post-modernism; religion; virtual reality; cyborg; consciousness.

Введение (Introduction). Когда мы говорим о религии в период постмодерна, не просто избежать спекулятивности и быть вполне точными. Этому есть множество причин. Во-

первых, понятие постмодерна настолько неопределенно, что, скорее всего, правильнее подойти к нему как к феномену, который только должен приобрести свое определение.

Во-вторых, говоря о постмодерне, мы беседуем внутри продолжающегося процесса. Это значит, что мы не знаем его финальный исход и образ, что нашу мысль ограничивает до уровня предпосылок, несмотря на то, насколько они фундаментальны и вероятны, либо если вокруг них сложился временный консенсус. В-третьих, постмодерн своеобразным способом исключает религию, в ее традиционном значении, поскольку для нее имманентно удаление метанаррации и деконструкция, с одной стороны, а также укрепление абсолютного индивидуализма, с другой стороны. Поэтому складывается ситуация, что произвольное общество с присущим ему многобожием – это общество, в котором богов настолько, сколько человек в отдельности. Для некоторых религий, как например Индуизма, такая произвольная, вернее, отдельная позиция, не только не является современной, даже не является постмодерной, а архаичной и исконной. Поэтому нет вопроса, существует ли какая-либо религия в эпохе постмодерна, потому что очевидно, что она есть; однако мы можем задать вопрос, есть ли у постмодерна своя религия? В смысле – как например, в античный период и в Средние века были свои религии, которые мы достаточно ясно мы можем описать. Если ответ отрицателен, нет необходимости рассматривать и насильственно экстрагировать религию из приложенных теологических, философских и политическо-социологических постулатов. Если, все же, ответ положителен, мы должны в минимально возможной мере смириться с его уже предварительно акцентированным спекулятивным характером, понять его как миметическое название только для размышления, и рассмотреть предпосылку генезиса постмодерной религии.

Теоретический обзор (Theoretical review). Определение «пост» имеет преимущество в глобальном дискурсе, оно почти популярное. Эпидемия «пост» понятий, как например, постиндустриальный, постсоциализм, постистина, постутопия, постколониализм, постмодерн, и так далее, понятна поскольку описывает определенный линейно-хронологический след, однако по своему содержанию она

иногда вносит больше путаницы, чем объяснений. В манере постмодернизма, подобным образом говоря, мы можем задать себе вопрос, живем ли мы в постмире как постлюди? Ответ – и да, и нет. При этом речь не идет о каком-либо риторическом трюке, либо о попытке ухода от высказывания точки зрения, а именно о том, что могло бы быть главной характеристикой темы, которой мы занимаемся, а это парадокс. Не только в качестве мысленной аттракции, а также как неотъемлемой части физики (вспомним «Близнецов» Эйнштейна), и части художественного постмодерна (вспомним писсуар Дюшана, который с помощью своей банальности парадоксально становится произведением искусства *par excellence*).

Значит, для «застрявших» в постмодерной конструкции и деконструкции, постмир и постлюди действительно существуют, равноправно и, по сути, обыкновенно даже. Конечно, для каждого из них («застрявший») перечисленные понятия, несмотря на то что имеют одинаковое обозначение, означали бы совсем другое, и единый консенсус, который был возможен в потенциальной постмодернистической дискуссии, это тот, который принимает все отдельные определения, ожидая и новые, несказанные, «априори» принимая все возможные исходы, даже противостоящие первоначальным. И это опять парадокс. Исходя из данной констатации можно подумать, что постмодерн – это одно книжное, академическое приключение, абстракция, философское созерцание, не имеющее своего отражения в повседневной жизни, однако реальность противоречит этому явлениями, раньше не отмеченными (даже не задуманными!) в истории человеческой цивилизации, или даже в человеческом бытии. Данная работа сделана с той интенцией, чтобы позже на выходе хотя бы указать на возможное явление, которое, несмотря на свою парадоксальность, будет очень даже ощутимым и реальным.

Постмодерн можно рассматривать как совокупность революций, предшествующих ему. Большинство них – это исторические манифестации, тщательно изучаемые и документированные. Поэтому в данном случае будут

только перечислены с целью ответа на предва- рительно заданный вопрос, который бы по своей сути можно было в описывающей форме задать в качестве дилеммы: является ли постмодерн частью исторического течения, которое, кроме своей привлекательности, все- таки принадлежит уже виденному *nihil novi sub sole*, либо это действительно одно пост-со- стояние, последствия которого только возник- ают и существенно меняют «Великий ко- декс» Нортропа Фрая (Fraj, 1985), делаю его беспредметным, выходя из текста, исключая сам текст, что является мысленным прецен- том. Обратим внимание на некоторые из них:

- Французская революция, учитывая пере- ход от феодальной к ранней капиталистиче- ской системе, рождение и укрепление секу- лярного государства и гражданского обще- ства, просветительскую философскую мысль и полностью новую экономическо-политиче- ская систему, со временем расширяющую свое влияние и защищающую до сегодняш- него дня;

- Английская промышленная революция, 1-я и 2-я, с эмбрионом (в этот раз) неолибе- рального капитализма, вызывающего на этот момент необычно большие флюктуации вало- вого внутреннего продукта, что обеспечило некоторым странам экономическое доминиро- вание глобального характера, следы которого можно отметить и сегодня;

- Исчезновение рабства в Соединенных Штатах Америки в 1863 г. и в Великобритании в 1883 г., которое продолжилось революцион- ным инцидентом Розе Паркс в 1995 г. и внедре- нием нового понятия в правовые категории – понятия права человека;

- Сексуальная революция, часто уходящая на второй план, однако глубоко проникающая в жизнь каждого человека и групп людей, а также в общественную жизнь, когда кульми- нировала разница полов и родов, трансгендер- ность, правовыми актами для однополых бра- ков, которые признаны многими церквями;

- Две мировые войны, предшествующие постмодерну, которые по своей природе были революционными, не из-за мировых размеров (античные войны тоже думали, что покоряют

весь мир, т.е. Экумену), а вследствие огром- ного количества жертв и непонятных и немыс- лимых ранее явлений.

В отличие от перечисленных, общеизвест- ных, революция, говоря о которой, мы не мо- жем льстить себе, что видим ее во всей ее ве- личине, революция, заставляющая нас отка- заться от всех теперешних знаний, заставляю- щая нас преследовать ее безусловно, с помо- щью новых выученных навыков – это инфор- мационно-цифровая революция, имеющая свой исход в искусственном интеллекте, у ко- торого с каждым днем растут технические воз- можности по совершенствованию и умноже- нию самого себя. Она несравнима с предыду- щими, вышеперечисленными. Она сравнима с изобретением колеса, изобретением паровой машины, а также с шоковым состоянием лю- дей, которое вызвали блестящие моменты ре- волюций. Она нас больше даже не шокирует, она уже часть нас, и мы перед ней в бессилии сдаемся *volens volens*.

Религия, которая испытывалась сред- ствами массовой информации, начиная с прессы Гутенберга, впоследствии радио и те- левидения, по этой причине сейчас проблема- тизирована несравнимо больше, чем раньше. Пока, в случае традиционных средств массо- вой информации, существовала проблема пер- формативности, т.е. возможно ли вообще участвовать в прямой трансляции литургии, которая по своей сути является самым уча- стием (как верующих, так и Бога, в которого верят), во втором случае – новых масс-медиа – проблемой будет именно абсолютное участие в обряде, и в конечном итоге, непосредствен- ное ощущение Бога, обеспеченное техноло- гией Виртуальной реальности. «...То, что необходимо, и что может быть вызовом куль- туре масс-медиа, это поиск того, как с помо- щью масс-медиа и их культуры способство- вать сохранению литургийной информации, которая верующего откроет к единой и неза- менимой перформативности литургии, и та- ким образом происходящее превратит в про- житое событие» (Ajzenkol, 2011: 44). Вирту- альная реальность, которая постоянна. Вирту- альная реальность, которая интегральна, в

бодрийровском смысле. Симуляция, подражающая оригиналу, теряет смысл и значение. Из данной перспективы, среди перечисленных, «настоящая» постмодерная революция только начала двигаться к своему апогею. Эту вершину мы видим в Пострелигии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Пострелигия в виртуальном мире одновременно будет и естественной, и этической. Естественной – в узком смысле неразлучности с окружением и обусловленности им. Этической со стороны того, который ее создал и контролирует всю виртуальную реальность. Несмотря на то, насколько человек придавал себе значение, он мог этот мир только обновлять, умножать, однако никак не создать. Сейчас виртуальный мир создан и бесконечно расширяется. Объявится ли его Создатель, насколько от нас не зависит; возможность принятия решения существовала только до входа в Виртуальный мир, до искусственного интеллекта, до Киборга. «Только человек – существо природы, которое в состоянии ставить под вопрос человека и природное единство человеческого рода; идти сверх возможностей человека и человеческого рода, создать мир «нечеловеческим» и «неестественным»; в форме мирового рассказа обеспечить исключительную привилегию относительно всего прочего... эта привилегия... впечатляюще показывает все признаки противостояния природе, идею насилия, борьбу против человека как природного существа» (Levit, 1990: 15).

Интересно, что никому не проблематичен дискурс искусственного интеллекта. Даже без малейшего сопротивления мы принимаем факт, что неживое существо может думать, как простое явление, о котором никто серьезно не спорит. По меньшей мере, если это не аннулирует естественный, человеческий интеллект, то полностью аннулирует образование. Почему кто-либо вообще должен думать, когда все уже обдуманно несравнимо лучше, чем это может человек; почему кто-либо должен выбирать, если уже в самом начале понятно, какой выбор лучший и понятен его крайний исход? С другой стороны, нам непонятно, что кто-либо говорит об искусственной

эмоциональности (кроме сенсильности и сенситивности, которые совершенствуются с каждым днем), и тем более об искусственной духовности. И это не случайно. Оказывается, духовность и эмоциональность – табу-темы, пока об интеллекте все любят говорить, даже когда речь идет о лексике, и тенденция того, что кто-нибудь вместо нас думает, принимается с симпатией. Гуманитарные науки терпят недостатки, которые необходимо возместить. Они все еще, достаточно часто, для описания общественной реальности используют термины, которые больше не подходят для модели культуры, в которой мы живем с конца 19-го века» (Turen, 2011: 59.).

Не очевидна связь религии, являющейся понятием для долгой исторической предрасположенности, и виртуальной реальности, киборга – которые суть понятия без истории. Эта связь все еще спекулятивная, футуристическая, на уровне утопии, со всеми принадлежащими префиксами (этой утопии). Рассел Джейкоби пишет, что первым приговором против утопии не могут быть ее непрактичность и отсутствие релевантности. Однако без нее будущее рухнет в сегодняшнее время и сужается до расчета. Но это не значит, что необходимо перестать думать или мечтать. Даже наоборот. Труд по изучению новых возможностей жизни и общества остается срочным и создает предусловие по выполнению чего-либо (Džejkobi, 2001). Руководясь упомянутыми словами, избегая технотерминизма, мы все-таки смотрим ему в глаза. Мы считаем неприемлемым современные технологии, виртуальную реальность, искусственный интеллект, нано-роботику, генетическую манипуляцию, киборга рассматривать как отдельные технологические феномены, не влияющие на реальность и сознание человека и общества в целом, потому что уже сейчас ее в большой мере значительно изменяют, и будущие перспективы, как бы они ни выглядели невозможными и спекулятивными, могут нас удивить своим осуществлением. «Реальность, которая создается в последние века, и из которой мы создали принцип, эта реальность именно

сейчас возникает»... после устранения «объективной реальности, присутствуем при росте Интегральной реальности, Виртуальной реальности, которая базируется на дерегулировке самого принципа реальности» (Bodrijar, 2009: 7).

Предусловия для цифровой религии, которая была бы религией постмодерна, уже существуют, умножаются и развиваются. Прошло уже много времени с тех пор как теоретики постмодерна указали на то, что современные технологии отлучают от современных образов жизни, к которым мы привыкли, способом, о котором раньше невозможно было даже подумать. К данному консенсусу смело добавим следующее: образы жизни не относятся только к общественной парадигме, когда случай религии все-таки проще «более естественно» изучать, но относятся также к биологическим формам жизни, к нашей жизни, потенциально приводящей к совсем новому и, прежде всего, непредвидимому сознанию. Источник рождения такого сознания был бы в Киборге, который бы в качестве интерфейса самому себе постоянно был подключен к виртуальной реальности, которая дала бы определенный вид тела. Развитие такого существа может быть религиозное, с одной стороны, потому что частично находится в предыдущей человеческой рамке, в которой религия неизбежна, и с другой стороны – в рамке, в которой может восстановиться непредвиденным способом, о котором мы знаем только, что она устраняет все предыдущие. Поэтому Дона Харавей выбирает киборга, даже когда предложено божество (Haraway, 2017). Здесь постулируется изменение индивидуального или общественного сознания не традиционным способом, а в биологическом контексте, определенным способом эволюционным, поскольку приводит к новой форме. Значит, процесс этот обратный, и большие общественные изменения, упомянутые революции, не влияют на облик, меняющий его, но *non sequitur* новый облик создает новое окружение. «Все данные примечания приводят к одному выводу – произошло разрушение и исчез универсум, который мы называли «социальным» (Turen, 2011:

10). В данном контексте это тревожит, и необходимо поднять вопрос, будем ли мы свидетелями создания новой глобальной религии, верующие которой будут живым интерфейсом. Таким образом, рассматривая это, мы ближе к субституции реальности Пола Вирилоа, чем к симуляции Бодрияра и Джеймсона.

Попытаемся быть более точными. Сегодняшний человек, как общеизвестно и доказано, отличается от человека периода античности. У сегодняшнего человека другое представление о мире, и соответственно этому – другое сознание. Если бы «снять шкуру» с этих двух картин мира, субъектом обоих различных миров является одинаковый организм. «Человеческая природа, а не исторический мир, переживет все исторические изменения, от греческого полиса до христианского общества Средних веков, и государство, и города, в которых мы живем» (Levit, 1990: 245). В случае Виртуальной реальности и киборга, который мы пытаемся постулировать, у истока различных взглядов нет одинакового субъекта, и он не сводится к одному организму. Механическая и ВСИ (Brain Computer Interface) связь киборга – это потенциально другой организм, похожий, однако, на другой с подсознанием, которое может быть *differentia specifica*. Невозможно доказать, что это так, однако нельзя доказать, что это не так, пока оно само не случится. А это происходит. Есть пример Нила Харбиссона (Neil Harbisson) на эту тему. Здесь речь не идет о генетическом скрещивании живых клеток, оно давно достигнуто. Здесь речь идет о скрещивании живых клеток и цифровой технологии, что дает пространство для спекуляции и непредвиденного, ранее несуществующего сознания. Нил Харбиссон – это доказательство, что упомянутое скрещивание оперирует в плане ощущений, и это уже достаточно теоретически показательно. «Макс Миллер, Адальберт Кун и вся немецкая школа *Volkerpsychologie* исходят... от утверждения, что она (речь идет о религии), также, как и все остальные наши познания, должны были начаться с какого-то чувственного опыта» (Dirkem, 1982: 76). И Кант показывал, что каждое наше познание должно базироваться на

опыте. Если это данный случай, пространство для религиозного инжиниринга без какого-либо трансмиссионного наследия широко открыто, до исключительно новой религии, новой в полном и абсолютном смысле этого слова, религии постмодерна, которую уже назвали *Пострелигией*.

Заключение (Conclusions). Идея о необходимости ожидания новой религии на горизонте нашего будущего, как это говорил Тойнби (Arnold J. Toynbee), не новая. До него и Эмиль Дюркгейм (Emile Durkheim) пророчески еще во время своей жизни анонсировал новую религию, правда, больше говоря, что она призвана, чтобы трансформироваться, но никак не к тому, чтобы исчезнуть. Научно-технологическая революция, имманентная Постмодерну, обеспечивает полностью новое понимание пророческих утверждений двух упомянутых ученых, способом, который до сих пор не учитывал настолько широкий обзор, и раньше просто не был осмыслен. Соединение живого и неживого, которое уже достигнуто в ощущении (Nil Harbison) в будущем в синергии с искусственным интеллектом, может привести к новому сознанию. В этой пограничной точке одновременно перестают быть все спекуляции и все знания, а также начинаются все возможные спекуляции и непонятное познание. Это «Алеф – точка», центр которой находится везде, а периметра нигде нет. «Переход из сегодняшнего века в будущий, это переход от благодати веры в благодать наблюдения» (Mandzaridis, 2011: 127). Несмотря на то, что один греческий теолог имел представление о жизни после смерти, данные слова полностью применимы в контексте, который мы пытаемся позиционировать. Научно-технологическая революция постмодерновому человеку даст возможность «видеть», всеми чувствами испытать Бога, у него не будет необходимости верить в Него. «Виртуальная реальность может искусственное представить настолько реально, что оно становится более реальным, чем сама реальность... Виртуальная реальность нам допускает ощутить данную ситуацию своим телом... использовать чувство «бытия» (Negropont, 1998: 113). «Альтернативно, мы

сможем жить в наших компьютерах» (Negropont, 1998: 199). «Каждое поколение будет более цифровым от предыдущего» (Negropont, 1998: 218).

Пока существует необходимость в интерфейсе, не являющимся частью человеческого организма, мы говорим об опасном и спекулятивном феномене виртуальной реальности, однако когнитивная дистанция все-таки присутствует, пусть даже в малейшем количестве. Но в момент скрещивания искусственного интеллекта с организмом путем ВСІ технологии, когнитивная дистанция абсолютно исчезает, и в результате этого возможно новое подсознание, новое тело – а это новое существо, что может быть политическим пространством для новой картины мира, нового порядка и новой религии, которую мы здесь назвали Пострелигией.

Список литературы

1. Ajz nekol M. Crkva pred izazovima medija. Zemun: Most Art, 2011.
2. Bodrijar Ž. Pakt o lucidnosti ili intelegencija zla. Beograd: Arhopelag, 2009.
3. Debre R. Uvod u mediologiju. Beograd: Clio, 2000.
4. Dirkem E. Elementarni oblici religijskog života. Beograd: Prosveta, 1982.
5. Džejkobi R. Kraj utopije // Časopis Beogradski krug. Beograd: Čigoja štampa, 2001.
6. Filozofija i teologija u kontekstu znanstvenotehničke civilizacije // Zbornik radova. Sveučilište u Zagrebu. Zagreb: Katolički Bogoslovni Fakultet, 2016.
7. Fraj N. Veliki Kodeks. Beograd: Prosveta, 1985.
8. Haraway D. Cyborg Manifesto. 2017.
9. Levit K. Svjetska povijest i događanje spasa. Avgust Cesarec. Zagreb. Svijetlost: Sarajevo, 1990.
10. Manadzaris J. Georgije. Globalizacija i univerzalnost. Beograd: Službeni glasnik, 2011.
11. Mašarević L. Mediji i postmoderna stvarnost // Pregledni naučni članak, 2009. DOI: 10.2298/SOC1002127M.
12. Negropont N. Biti Digitalan. Beograd: Clio, 1998.
13. Jerotić V., Jovanović M. Religija između istine i društvene uloge. Beograd: Dereta, 2009.
14. Religija, moderna, postmoderna, Filozofsko-teološka razmatranja, Znanstvena knjižnica Zadar. Zadar, 2006.

15. Remon R. *Religija i društvo u Evropi*. Novi Sad: Akademska knjiga, 2017.

16. Turen A. *Nova paradigma*. Beograd: Službeni glasnik, 2011.

References

1. Ajz nekol, M. (2011), Church against the challenges of the media, Most Art, Zemun, Serbia. (*in Serbian*).

2. Bodrijar, Z. (2009), Pact of lucidity or intelligence of evil, Arhopelag, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

3. Debre, R. (2000), Introduction to mediology, Clio, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

4. Dirkem, E. (1982), Elemental forms of religious life, Prosveta, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

5. Dgejkobi, R. (2001), "The End of Utopia", *Magazine Belgrade Circle*, Čigoja štampa, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

6. "Philosophy and Theology in the Context of Scientific-Technical Civilization" (2016), *Proceedings*, University of Zagreb, Katolički Bogoslovni Fakultet, Zagreb, Serbia. (*in Serbian*).

7. Fraj, N. (1985), *The Great Code*, Prosveta, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

8. Haraway, D. (2017), *Cyborg Manifesto*, Serbia. (*in Serbian*).

9. Levit, K. (1990), *World history and the event of salvation*. August Cesarec. Zagreb, Svijetlost, Sarajevo, Serbia. (*in Serbian*).

10. Manadzaris, J. (2011), *Globalization and universality*, Službeni glasnik, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

11. Macarevich, L. (2009), *Media and postmodern reality*, *Reviewed scientific article*, DOI: 10.2298/SOC 1002127M. (*in Serbian*).

12. Negropont, N. (1998), *Being Digital*, Clio, Beograd, RS. (*in Serbian*).

13. Jerotich, V. and Jovanovich, M. (2009), *Religion between truth and social roles*, Dereta, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

14. *Religion, Modern, Postmodern, Philosophical-Theological Considerations* (2006), Zadar Scientific Library, Zadar, Serbia. (*in Serbian*).

15. Remon, R. (2017), *Religion and Society in Europe*, Akademska knjiga, Novi Sad, Serbia. (*in Serbian*).

16. Turen, A. (2011), *A new paradigm*, Službeni glasnik, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Вукчевич Неманя, аспирант Университета г. Белград, Факультет политических наук.

Nemanja Vukcevic, PhD Student, University of Belgrade, Faculty of Political Sciences.